

музеи, а духъ его и теперь еще такъ легко узнаешь въ нравахъ тѣхъ народовъ, которые прошли черезъ него. Дѣло Людовика XIV пережило всѣ перевороты во Франціи. Пруссія все еще сильна гениемъ Фридриха II. Такой же неотразимый фактъ въ исторіи Италіи—франкское завоеваніе“.

Но Кудрявцевъ не только любилъ историческія обобщенія; онъ любилъ также доказывать ихъ кропотливымъ трудомъ. Съ большою методичностью знакомитъ онъ читателя сначала съ тѣми областями Италіи, которыя не подверглись франкскому завоеванію —и при этомъ чрезвычайно рельефно изображаетъ положеніе поставленной между востокомъ и западомъ Венеціи. „Какъ корабль въ морѣ, проходящій между подводными скалами, она искусно лавировала между ними, держась довольно свободно на извѣстномъ разстояніи отъ того и другого и больше наклоняясь въ ту сторону, гдѣ была слабѣе сила притяженія. Впрочемъ, при всемъ искусствѣ, соблюсти совершенное равновѣсіе и избѣжать всякаго столкновенія было почти невозможно“. Затѣмъ, на основаніи скудныхъ лѣтописныхъ и законодательныхъ памятниковъ того времени, Кудрявцевъ старается прослѣдить франкское вліяніе на Италію при Карлѣ Великомъ—въ учрежденіяхъ, судѣ и въ правѣ. На основаніи этого изслѣдованія можно сказать, что главный результатъ франкскаго владычества и, прибавимъ, главный интересъ этой эпохи для историка—это то, что подъ давленіемъ завоевателей сталъ совершаться и ускоряться процессъ возникновенія новой, *итальянской* національности. Кудрявцевъ замѣчаетъ по этому поводу, что „образованіе цѣлой народности, какъ образованіе отдѣльной человѣческой личности, есть, болѣею частью, тайна органической природы, мало доступная полнотѣ знанію. Исторія только приближается къ ней, но не въ состояніи прослѣдить весь процессъ ея съ полною отчетливостію“.

Въ силу франкскаго завоеванія, судьба Италіи зависѣла отъ того, что совершалось при дворѣ императора. Поэтому смерть Карла V. побуждаетъ историка обратиться къ его преемникамъ, причемъ онъ даетъ чрезвычайно справедливую характеристику ихъ: не будучи людьми совершенно неспособными, —говоритъ онъ,—Каролинги постоянно оставались ниже своего положенія и его требованій; имперія не имѣла для нихъ другого значенія, кромѣ формы, манившей ихъ честолюбіе; постепенно падая сами, они вмѣстѣ съ собою роняли и имперію. Охарактеризовавъ династію и ея взглядъ на ея задачу, историкъ обращается къ другой силѣ того вѣка — къ папству и мѣтко изображаетъ зарождающуюся